

24 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

**Виктор
СБИТНЕВ**

г. Кострома

МОИ ДЕД

ОДНОЙ РУКОЙ

Несколько лет назад, Девятого мая, ему должны были вручить наконец-то нашедший его орден, но в конце апреля дед умер. Его задушила астма, которая проникла в лёгкие ещё тогда, в морозную можайскую зиму сорок второго. На снежной равнине немцы взяли их в клещи и целые сутки забрасывали минами. Ротного и взводных убило, и тогда он, помкомвзвода, вывел остатки насквозь простуженных и обмороженных бойцов к своим.

В медсанбате, кроме разорванной ладони, которая примёрзла к груди под шинелью, у него нашли ещё два пулевых ранения в ноги. Он был на передовой всего неделю, а потом целый год провалялся в госпиталях. Руку не отняли, но искорёженные пальцы не слушались, и он привык всё делать одной рукой.

Из шестерых его братьев четверо не вернулись с фронта, пятый заболел тяжёлой нервической болезнью, а последний женился в Очакове и порвал всякие связи с роднёй.

Одной рукой он заново срубил избу, где, кроме его жены и трёх дочерей, приютился больной брат, который в двадцать лет играл с самой младшей из племянниц в куклы. Ещё шла война, приходили похоронки, было голодно. Жена вынимала из печки ведёрный чугунок картошки, все садились к столу, но не наедались. Младшая дочка, общая любимица, просила мать:

– А ты, мам, вари два ведра!

Двое из погибших братьев оставили вдов, тоже с дочерьми, и он помогал им чем мог: перебрал избёнки, перекрыл прохудившиеся крыши, пересте-

лил полы, поправил частоколы. Все называли его «папой» – и дочери, и племянницы.

До войны он работал председателем сапожной артели в районе, но был уволен «за связь с врагами народа» и теперь пошёл на торфоразработки бухгалтером. Работали здесь в основном женщины, и часто он, выходя в своих нарукавниках помочь тщедушному машинисту запустить двигатель укладчика, угощал их детишек – кого яблочком, кого сахарком...

Брат выздоровел, дочери и племянницы окончили университеты и разъехались по стране, чтобы поднимать и отстраивать всё заново.

Шли пятидесятые годы, мужчин не хватало, и у моей матери, и у её старшей сестры не всё гладко сложилось в жизни... Так что дед воспитал и меня с двоюродными сёстрами. Он научил меня косить и колоть дрова, ошкуривать брёвна и выбирать книги для чтения.

Каждый год мы собирались на Девятое мая и все вместе шли к сельскому обелиску, где всякий раз, как заново, читали имена его братьев. Одна рука подняла нас всех на ноги, и вот теперь, уже слабеющая, она промокала платком глаза...

Моя бабушка умерла после него через несколько месяцев от сердечного приступа, её старшая дочь – моя тётя – через полгода от болезни, которая возникает помимо прочего и от глубоких душевных переживаний.

Теперь я настороженно смотрю на свою мать, потому что она каждый день помнит об отце, и в квартире пахнет валерьянкой.

ВДВОЁМ

Он поставил избу на отлёте, пристроил баню, ма-занку и половню с дровяным сараем. Прошли годы, и постройки по самые крыши утонули в яблоневом дыму. Весной черёмуха и сирень пахли так, что у его жены текли слёзы, когда она вечером опускалась под окном на аккуратную кленовую лавочку. Он подсаживался к ней и жёсткой ладонью гладил её по щеке. Они толковали о яблоневом цвете и картофельных всходах, они слушали, с каким довольным умиротворением дышит корова в загороде и как настороженно гудят под яблонями ульи. За их спинами уходила в сумерки деревня и, согревая их своей близостью, голосила петухами и брехала собаками. А впереди, за молчаливо насупленным лесом, к ночи всё отчётливей и чаще грохотала на стыках скоростная железнодорожная магистраль.

Скоро оттуда приезжали дети, привозили внуков, и в доме воцарялась беспокойная шумная радость. Каждый вечер она ставила тесто, и каждое утро из печки смотрели румяные, сахаристые плюшки и пухлые душистые пироги. Она снимала густые тяжёлые сливки и сбивала из них кислотоватое деревенское масло, выдерживала слоистую простоквашу и отжимала снежной белизны творог. Он водил к жёлтому песчаному плёсу купаться и загорать и находил такие места для рыбалки, где дрожжащими от волнения руками неумелые городские рыболовы снимали с крючков скользких золотых линей. Вместе они ходили за кудрявыми солонухами и сушили мелко изрезанные опята, вместе показывали детям сад и огород и по-родительски радовались их быстрому здоровому росту...

Но наступал день, и дети уходили к поезду, плотно нагруженные банками и бидонами. Вновь опускался вечер, вновь они были одни, и последние зарницы над лесом доставляли им смутное беспокойство.

ПОДРУЖКИ

У моей бабушки были две лучших подруги: Маруська Трошина и Катька Ларцова. Односельчане звали их именно так, а между тем были они немолгим моложе моей бабушки.

Идя по воду мимо нашего дома, они непременно заявлялись покалякать. На кухоньке или на завалинке судили о последних новостях и хозяйских заботах. Они участливо выпрашивали у бабушки о здоровье моей матери и тёток, об их мужьях, квартирах, получках. Высказывали свои соображения, незлобивые, в общем. Иногда даже советовали, о чём прописать в письме, что выслать из припасов.

Их сердобольные разговоры никогда особо не

трогали меня, потому что повторялись изо дня в день как по плану: те же темы, те же советы. Единственно, я уважал свою бабушку, которая не лезла в чужую жизнь, а говорила больше про картошку и удои.

И Маруська, и Катька возили на тачках траву и дрова, торговали молоком, сдавали в сельпо лук и картошку. Шли годы, а я всё не замечал их возраста.

И вот однажды, приехав в отпуск и бродя по обыкновению с Туманом по лесу, я увидел их согбенные спины на лесной дороге и услышал их натужное дыхание. Они везли свои тачки след в след... и молчали. Пели дрозды, выстукивали дятлы, шиповник густо краснел по обочинам дороги, а я слышал только скрип несмазанных колёс да видел тучи слепней над их выцветшими платками.

Тем же вечером бабушка рассказала мне, что женихи их остались на войне. Совестьливые, они и детей не сумели прижить. Живут чужим горем, чужими радостями.

КАЗАРМА

На железной дороге, в версте от нашего разъезда, стоит двухэтажный деревянный дом. Лестница на второй этаж ведёт прямо со двора, на котором возле мелких корыт, пощипывая друг дружку, толкуются гуси и утки, маются от безделья собаки и всегда кто-нибудь безуспешно заводит мотоцикл.

Дом со всех сторон плотно окружён лесом, и только по «железке» то и дело проносятся составы, насыщая воздух запахом смолы, угля и вагонной краски. На поезда, даже на скорые, не обращают ровно никакого внимания. Они здесь грохочут с сотворения мира. А вот дому чуть больше сорока лет, и носит он странное для постороннего уха название – «Казарма».

Осенью сорок первого, когда до фронта отсюда было более пятисот вёрст, здесь уже вовсю закипела работа: два взвода расчистили место и отстроили для себя жильё, а во дворе стали учиться штыковому бою и метать учебные гранаты. На опушке леса отрыли траншеи с пулемётными гнёздами и блиндажом, а возле железнодорожного полотна, на переезде, встал часовой, который провожал эшелоны на Запад долгим печальным взглядом.

Сюда моя бабка ходила узнавать про деда, от которого долго не было писем с фронта, словно здесь что-то могли знать о фронте; сюда носили из деревни картошку и мочёные яблоки, табак-самосад и свою тревогу о близких.

Немцы ближе, чем в ту осень, сюда так и не подошли. Как-то ночью взводы подняли по тревоге, и дом опустел. Скоро в нём поселились путейцы, бла-

го срублен он был толково, хоть и не по-здешнему. Жизнь идёт своим чередом: в доме рождаются новые люди, бегают по двору, вырастают и называют свой уютный тёплый дом «казармой».

Странно, но я никогда не находил это смешным, даже когда служил в армии.

ПОЛИГОН

Я часто вспоминаю ту трудную мою зиму – и не потому, что от её свирепых морозов полопались водопроводные трубы и начисто вымерзли целые сады и парки. Дело в том, что как раз перед этим по окончании института и года работы на кафедре меня призвали в Вооружённые силы страны. Понятно, что после тёплых уютных аудиторий и пушкинovedения полковой плац и воинский устав поначалу произвели на меня весьма своеобразное впечатление. Когда ощущение этого своеобразия стало помаленьку выветриваться, я принял воинскую присягу и забрался в промороженную «самоходку», чтобы вместе со своими товарищами до самого марта месить гусеницами снега далёких полигонов.

Спали мы в палатках, умывались снегом, ели консервы с перловкой, курили «Приму». Холод стоял собачий, за ночь выстывало всё – от брони и моторов до линз панорам, но странное дело, мы не болели – заиндевелый металл не брал наши закопчённые комбезы. Лишь иногда вечерами, сгрудившись у печки-буржуйки, мы мечтали о русской баньке с крутым парком да берёзовым веничком.

Однажды вечером нас подняли по тревоге, и ко-

лонна самоходных орудий на бешеной скорости устремилась за командирской машиной в неизвестность. Несколько часов мы рассекали стылое безмолвное пространство, насыщая его злобным лязгом гусеничных траков и приторным выхлопом едва отогретых моторов. Несколько часов каждый из нас видел лишь габаритные огни впереди идущего да громаду леса по сторонам. Несколько часов мы раскачивались в своих креслах, то и дело натыкаясь лбами на разные штуковины перед собой, но в тот самый момент, когда никто уже ничего не ждал, уверовав в нескончаемость этого монотонного движения в ночи, колонна вдруг вырвалась на бескрайнюю снежную равнину и неожиданно застыла. Я открыл люк и выбрался на броню. Впереди не было ничего кроме снегов и лунного света. Машины стояли все в снежной крошке, с задранными к звёздам хоботами орудий и, казалось, настороженно прислушивались к чему-то.

Поражённый, я вернулся в башню, заdraил люк и тут же получил приказ открыть беглый огонь. Снаряды, легко пронизывая разреженный морозный воздух, уходили куда-то очень далеко, и мы ничего не видели, как ни крутили свою чувствительную оптику. Отрешённость этой равнины от привычного мира была абсолютной.

С тех пор при слове «полигон» я вижу ледяную ночь в бесконечном безымянном поле, снежные комья на броне, поблескивающие при необыкновенно ярком лунном свете, и беглую стрельбу тяжёлыми снарядами в тёмный горизонт, где тем не менее всё невозможно молчит.



Виктор Альбертович СБИТНЕВ –

прозаик, поэт, журналист.

Родился в Москве в 1955 г.

Окончил филологический факультет и аспирантуру

ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Печатался в «Нашем современнике», «Литературной России»,

«Мире Севера», «Губернском доме» и др.

Автор трёх книг прозы.

Главный редактор

литературного альманаха «Костромской собеседник».

Лауреат литературной премии журнала «Север» за 2016 год.

Живёт в Костроме.

